

— Это... кто же это сделал? — кто-то сглотнул и с трудом проговорил: — Проклятие Бога? Да это же не просто безумие, это святотатство!

Как когда-то говорил Кевин, раса гигантских звероловцев считает богов лишь героями прошлого и легенд, раса духов видит в них источник веры и силы, а народ Она относится к богам почти как к своим прямым предкам. Кому понравится, если могилу предка изуродуют до такого состояния?

Все присутствующие были и потрясены, и разгневаны. Лицо Освальда помрачнело: сначала Кевин бросил всех и в одиночку ворвался в гробницу, а теперь на Фаэ наложили такое злобное проклятие. Его настроение падало всё ниже и достигло предела.

— Кто, кроме строителей этой гробницы, мог бы учинить подобное? — мрачно спросил он.

Присутствующие, только что ошеломлённые, едва соображали, но после слов Освальда все куски головоломки мгновенно сложились воедино.

Почему гробница Бога Света оказалась в таком мрачном, сыром месте, куда не проникает солнечный свет? Почему у входа в гробницу почитаемого всеми Фаэ стоит такой свирепый страж, как древоень? Перед могилой любого простого смертного кладут цветы и добрые пожелания от тех, кто его помнит, но гробница бога, которому должны были бы поклоняться тысячи, не только находится в безвестном месте, но и вход охраняют полчища нежити.

Единственное объяснение: тот, кто строил эту гробницу, изначально не собирался чтить память Фаэ, а намеревался заточить его в этой тьме, чтобы душа его никогда не увидела света. Так называемые «стражи» на самом деле были не охраной, а тюремщиками. Останки хищников, захороненные здесь в разные эпохи, явно связаны с древоенями; возможно, они периодически добавляли новые слои костей, чтобы проклятие длилось вечно.

— Теперь я понял, что значит «использовать нас как живых жертв»... — Ник, вспомнив слова Кевина, побледнел. — Если не удавалось поймать зверя, убивали любого, кто сюда попадал.

— Гробница построена так, чтобы каждый проходящий умирал, а группа — так всех и перебили бы, добавляя проклятию новые жертвы, — поддержал офицер рядом с Ником.

Услышав это, Освальд вспомнил о Кевине, вошедшем внутрь, и его лицо стало еще мрачнее. Он уже открыл рот, чтобы отдать приказ, как вдруг ледяной ветер подул снизу, по щиколоткам. Светильники с жуками в руках несколько раз мигнули и внезапно погасли с глухим звуком «пуф».

Все вздрогнули от ужаса.

— В этих мешках жуки, а не огонь, как же ветер мог их задуть? — шепотом спросил кто-то.

— Потому что они не погасли, а жуки внутри мертвы, — ледяным тоном ответил Освальд. — Помните, кто где стоял? Все спинами друг к другу, сомкнуться. Что-то приближается.

— Что именно?

— Нежить...

Пока у ворот разворачивались события, Кевин с жуковым светильником в руке неторопливо шёл по извилистой тропе. Если бы кто-то присмотрелся, он бы увидел по обеим сторонам нечто

леденящее кровь — огромные заросли, похожие на тростник, высотой почти до плеч Кевина, только на их верхушках вместо метёлок росли человеческие лица.

Каждое лицо было мертвенно-бледным, слегка одутловатым, брови и глаза черны как смоль, контраст вызывал мурашки по коже. Среди них были мужчины и женщины, старики и дети; они пялились на Кевина неотрывно, будто кроме него в этом месте не было ничего достойного их внимания. Так оно и было: тропа была до странности тихой, лишь шум шагов Кевина, многократно усиленный эхом, да ещё ритмичный, глухой звук.

Это была кровь, капающая на землю.

С тех пор как Кевин вошёл в ворота гробницы, на его теле постоянно появлялись новые раны, которые медленно затягивались сами собой. То на пальце, то на руке, то на груди или спине... Каждый раз начиналось с быстрого разложения кожи, затем обнажалась кровоточащая плоть, пока не показывалась белая кость, а потом рана постепенно заживала заново. Одна ещё не затянулась до конца, как другая уже начинала тот же процесс.

Так что Кевин, идя по тропе, оставлял за собой кровавый след, превратившийся в непрерывную линию.

Лица по обе стороны жадно сглатывали, не сводя глаз с Кевина, казалось, они голодны до безумия, но в то же время испытывают страх. Там, где проходил Кевин, лица невольно отшатывались, освобождая ему дорогу. Но стоило ему сделать шаг вперёд, они бешено бросались к земле и начинали слизывать капли его крови и плоти.

Те, кто бросался быстрее, почти касались пяток Кевина. Но он даже не замедлял шага, продолжая идти широким шагом.

Лица, пожирая кровавую грязь, издавали грубые, чавкающие звуки, будто они не просто слизывали тонкий слой крови, а пожирали что-то целиком.

Лицо Кевина при свете светильника тоже было белым как бумага — точно таким же, каким он был, когда его только что откопали из-под земли. Когда рядом никого нет, привычные выражения исчезали с его лица, оставляя лишь ледяную пустоту и полное отсутствие эмоций.

Эта леденящая душу дорога не была прямой; в нескольких местах от неё отходили совершенно одинаковые повороты. Всякий раз, когда Кевин доходил до такого перекрёстка, он даже не поднимал век, просто поворачивал носок и сворачивал в одну из тропинок, будто знал здесь каждый закоулок.

Вскоре он дошёл до конца пути.

Позади него остались чавкающие лица, которые, слизывая кровь, не переставали сверлить его взглядом, словно не хотели отпускать, но из страха не решались преградить ему путь.

А перед ним расстиралось горячее болото, пузырящееся паром. Грязь в нём имела странный цвет — вроде чёрная, но с багровым отливом, она клокотала, как кипящая вода, и от этого зрелища становилось не по себе.

Кевин смотрел на эту трясику несколько мгновений, слегка нахмурившись, потом лицо его снова стало холодным, даже ещё холоднее прежнего. Он поднял левую руку, кожа на которой только что слезла до кости, и навис над болотом.

Крупные капли крови одна за другой падали в трясины, пар поднимал резкий запах крови. Левая рука Кевина, уже почти превратившаяся в скелет, снова начала заживать и в конце концов вновь стала стройной, с ровными костями.

Как только он убрал руку, из забрызганного кровью болота внезапно вылетело огромное чудовище. Разглядеть его толком не удалось, но пасть была усеяна острыми, как пила, зубами. Кевин вовремя отступил на шаг. И в тот миг, когда монстр рухнул на поверхность трясины, он одним прыжком оказался у него на спине.

Чудовище попыталось повернуть голову и укусить, но Кевин мёртвой хваткой сжал его пасть. Он вывернул голову твари так, что она почти сломалась, наклонился и впился взглядом в её жёлтые глаза. Спокойным голосом он спросил:

— Поехали?

Монстр, вынужденный запрокинуть голову и закатить глаза, некоторое время смотрел на Кевина. То ли он учуял запах его крови, то ли разглядел его лицо, но тварь внезапно, с восторгом и страхом, приникла к болоту, взмахнула длинным хвостом и поплыла с Кевином на спине к другому берегу.

Чудовище мчалось с огромной скоростью и врезалось в берег. Кевин, не дожидаясь, пока они достигнут суши, ловко выпрыгнул, едва успев увернуться от последнего выпада монстра назад. Тварь нанесла удар с полной силой: когда её верхние и нижние клыки сомкнулись, раздался звонкий щелчок — Кевин даже подумал, что она чуть не сломала себе зубы. Промажнувшись, чудовище рухнуло обратно в трясины, будто в припадке ярости, и с досадой уставилось на Кевина с берега.

Кевин коротко усмехнулся, махнул ему рукой и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Чудовище выпустило два пузыря и скрылось в глубине болота.

Путь был ужасен, но для Кевина он не представлял трудностей: он прошёл его без всякого волнения и теперь стоял на другом берегу.

Перед ним возвышались высокие ворота, поддерживаемые по четыре массивные колонны с каждой стороны, над ними возвышался скатный навес, а на фронте были высечены изображения Феникса, Шаманского змея и Крылатого оленя. Если бы эти ворота стояли на вершине горы под ярким солнцем, они выглядели бы величественно и возвышенно. Но здесь, увы, не было ни вершины, ни солнца; мрачное и сырое окружение придавало этому строению вид заброшенности и уныния.

<http://bllate.org/book/18285/1753216>